

Вопросы оценки институционального монополизма в системе экономических отношений

© 2009 Р.А. Самсонов

Алтайская академия экономики и права (институт), г. Барнаул

В статье разрабатывается комплекс специальных индикаторов для диагностики проблемы институционального монополизма в системе экономических отношений. На данной основе проведена оценка степени развития форм институционального монополизма в конкретном регионе (по материалам Алтайского края), показавшая наличие целого пласта монополизма, не урегулированного в должной мере нормами права.

Ключевые слова: институциональный монополизм, экономико-транзакционная матрица, политический монополизм, инсайдерский монополизм, административный монополизм, статусный монополизм, индекс концентрации функций власти, коэффициент участия в принятии институциональных решений, коэффициент локализации административных транзакций, показатели электоральной конкуренции.

В России на рубеже XX и XXI вв. развивались институциональные трансформации, которые сыграли важную роль в истории нашего общества, сопровождаясь многочисленными и неоднозначными социально-экономическими последствиями. В то же время в хозяйственной и институциональной практике был накоплен огромный и практически не изученный эмпирический материал. Конструктивное познание такого опыта может продвинуть наше понимание закономерностей функционирования механизма постсоветской экономики и, соответственно, обогатить и вывести на качественно более высокий уровень всю экономическую парадигму.

Современная экономическая теория достаточно четко определяет важную роль так называемых “институциональных факторов” в развитии социально-экономических систем разного уровня. При этом многие фундаментальные проблемы до сих пор так и не получили серьезной разработки с позиции институциональной экономики. Особое место среди таких вопросов занимает монополизм институциональных структур, деформирующий всю систему социально-экономических отношений. Монополизм институциональных структур в системе экономических отношений ведет к развитию бюрократизма и коррупции, что делает актуальной разработку экономической теории институционального монополизма и эффективных механизмов его регулирования¹.

Следует отметить, что в явном виде проблема институционального монополизма впервые в экономической науке была сформулирована в

¹ Самсонов Р. Институциональный монополизм: сущность и особенности регулирования // *Вопр. экономики.* 2007. №1.

трудах А. Губаря², как наиболее сильный фактор, препятствующий эффективному проведению реформ в экономике переходного общества. Понятие “институциональный монополизм” также встречается в работах А. Костусева³, использующего его в целях обозначения монополизма, выражающегося в неравенстве условий конкуренции для различных коммерческих предприятий. Подчеркнем, что данный взгляд полностью укладывается в традиционное понимание проблемы и форм монополизма, свойственное классической теории рыночной власти и монопольной структуры рынка. При этом сам термин “институциональный монополизм” используется лишь для обозначения институциональных источников монопольной власти на рынках. Такой узкий подход и нашел свое отражение в нормативно-правовых актах, призванных специфицировать антимонопольное регулирование⁴. Органы власти и самоуправления в этом случае рассматриваются лишь как институциональные субъекты, способные вызывать процессы монополизации на отдельных рынках, создавая экономический потенциал для реализации классических форм монополизма.

На основе разработанной экономико-транзакционной матрицы институциональной системы общества была предложена авторская классификация типов и форм монополизма⁵, учитывающая экономические закономерности и особенно-

² Губарь А.И. О концептуальных основах реформирования экономики переходного общества // *Изв. Алт. гос. ун-та.* Барнаул, 2000. № 2.

³ Костусев А. Конкуренция, монополизм и развитие: опыт Украины // *Конкуренция и рынок.* 2003. №19.

⁴ О защите конкуренции федер. закон РФ от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ Ст. 15-21 // Доступ из СПС “КонсультантПлюс”.

⁵ Самсонов Р. Указ. соч.

Типы и формы монополизма

Транзакции	Экономические блага			
	Рыночные	Смешанные		Социальные
	Частные	Клубные	Коллективные	Общественные
Институциональные	Институциональный монополизм			
	Статусный монополизм	Административный монополизм	Инсайдерский монополизм	Политический монополизм
Операционные	Операционный монополизм			
	Функциональный монополизм	Инфраструктурный монополизм	Естественный монополизм	Социальный монополизм

сти монополии в различных социальных институтах (см. таблицу).

Институциональный монополизм выражается в доминировании определенных субъектов социально-экономических интересов посредством контроля над “правилами игры”, по которым осуществляются социальные взаимодействия. Экономической формой проявления сущности институционального монополизма выступает механизм изъятия экономической ренты институционального типа. Институциональная рента в зависимости от сферы изъятия в социальных институтах соответственно приобретает форму политической, инсайдерской, административной и статусной ренты.

Экономический механизм реализации институционального монополизма в самых общих чертах может быть представлен воспроизводством эффектов негативного отбора институциональных “правил игры”. Существование обратной селекции институциональных “правил игры” обусловлено наличием проблемы отрицательных и положительных внешних эффектов в монополизированных институциональных структурах. Последствия долгосрочной реализации институционального монополизма проявляются в виде нарастания негативных трансформаций в социальных институтах.

Для эффективной реализации механизмов регулирования форм институционального монополизма потребуются предварительная оценка целого пласта монополизма, который ранее не попадал под экономическую проблематику⁶. Соответственно, оценка институционального монополизма делает необходимым наличие комплексной методики диагностики, включающей индикаторы и методы их расчета, которые будут способны адекватно улавливать и отражать существование и степень развития монополизма институциональных структур в социально-экономической системе.

В настоящее время существует множество индикаторов монополизации товарных рынков⁷. Наиболее известными показателями монополи-

зации товарного рынка выступают: коэффициент концентрации (CR), индекс Херфиндаля-Хиршмана (HHI), индекс Линда (L), коэффициент Холла-Тайдмана (HT), коэффициент энтропии (E), коэффициент вариации (V), дисперсия логарифмов рыночных долей (δ^2), коэффициент относительной концентрации (K), кривая Лоренца, коэффициент Джини (G), индекс Лернера (IL), индекс Бейна (IB) и индекс Тобина (IT).

Учитывая экономико-транзакционный режим функционирования и развития институциональных структур, следует отметить несколько обстоятельств, показывающих неадекватность использования традиционных показателей оценки уровня концентрации рыночной власти в качестве индикаторов институционального монополизма.

Во-первых, традиционные показатели оценки уровня концентрации рыночной власти не улавливают специфический объект институциональной монополизации. Рассматриваемые показатели концентрации товарного рынка, оценивая степень сосредоточения выпуска трансформационных благ под контролем определенных субъектов, не способны адекватно диагностировать проблему институционального монополизма. Институциональный монополизм выражается в доминировании определенных субъектов социально-экономических интересов посредством контроля над “правилами игры”. Другими словами, если в ситуации операционного монополизма оценка основывается на количественных или стоимостных характеристиках товаров (работ, услуг), то в случае институционального монополизма объектом оценки должны выступать различные права на принятие тех или иных институциональных и управленческих решений, что требует принципиально иного подхода.

Во-вторых, традиционные показатели не позволяют дать адекватную оценку степени институциональной монополизации. Применение данных показателей не имеет смысла и способно лишь подтвердить и без того объективные и естественные закономерности концентрации функции формирования институциональных благ в виде различных “правил игры” в рамках конк-

⁶ См.: О защите конкуренции: федер. закон РФ от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ. Ст. 15-21 // Доступ из СПС “КонсультантПлюс”; Князева И.В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие. М., 2007.

⁷ Князева И.В. Указ. соч. С. 74-84.

ретных институциональных структур. Институциональная концентрация предопределена наличием в институциональных структурах экономических характеристик общественных благ и внешних эффектов, сравнительных преимуществ государства в потенциале насилия, возрастающей отдачи от масштаба, эффектов вертикальной интеграции, высоких барьеров входа-выхода и комплекса закрепляющих эффектов-ловушек.

В-третьих, особенно отметим ограниченность исключительно количественного анализа проблемы институционального монополизма, имманентно свойственного классическому подходу. Такой подход часто не учитывает в полной мере сущностную сторону и экономический механизм процессов монополизации. Тем более это важно в сфере институциональных структур, функционирование которых по своей экономической природе изначально менее подвержено количественной оценке. Институциональные структуры, в отличие, например от бизнес-структур, ориентированных на извлечение прибыли, формально направлены на реализацию определенных показателей, процедур и статусов, что не исключает поиска субъектами данных органов различных форм институциональной ренты. Соответственно, затруднен и количественный анализ форм институционального монополизма.

Для разработки системы индикаторов различных форм институционального монополизма необходимо учитывать экономическую сущность процессов монополизации в социальных институтах. По мере необходимости в качестве методологической базы могут использоваться традиционные показатели концентрации рыночной власти. Так, например, в целях выработки системы ранжирования уровней институциональной монополизации можно воспользоваться шкалами коэффициента концентрации и индекса Херфиндала-Хиршмана, которые по степени концентрации условно можно разделить на три типа рынков: высоко-, средне- и низкоконтрированные.

Индикаторы оценки монополизма институциональных структур выявляются в процессе исследования экономических механизмов форм институционального монополизма. В целях тестирования разрабатываемых показателей на их основе проведена оценка уровня институциональной монополизации на примере конкретного региона (по материалам Алтайского края).

Политический монополизм формируется в институтах власти, определяющих отношения принуждения-подчинения и имеющих общую компетенцию на всей территории государства.

Реализуется политический монополизм в органах законодательной, исполнительной, судебной власти, прокуратуры. Сущность политического монополизма заключается в срастании нормоустанавливающих, нормоинтерпретирующих и нормоисполняющих функций власти на уровне конкретного органа или субъекта.

Посредством монополизации властных полномочий на основе концентрации политических функций в рамках конкретного субъекта власти обеспечивается доступ и контроль над различными источниками рентных потоков: процедурная рента, бюрократическая рента, конвертационная рента, лоббистская рента монопольного и дискриминационного рода. Этим закладываются дополнительные ресурсы и привилегии под расширение квазиполномочий, обеспечивающих политическое доминирование.

В ситуации политического монополизма объектом монополизации выступают функции власти. Политический монополизм проявляется в концентрации всех трех функций власти в пределах компетенции одного субъекта - органа, группы или статусной позиции. В качестве индикатора политического монополизма разработан и предложен индекс "концентрации функций власти" в рамках того или иного политического субъекта:

$$IP = \sum_{i=1}^3 fp_i, \quad (1)$$

где IP - индекс концентрации функций власти;
 fp_i - i -я функция власти, которой обладает (принимает значение "1") или не обладает (принимает значение "0") определенный политический субъект;
число "3" соответствует трем основным функциям власти.

Для оценки уровня политического монополизма предложена следующая шкала: при $IP = 1$ - естественная централизация определенной функции власти политическим субъектом; при $IP = 2$ - доминирование политического субъекта (имеет место монополизация одной дополнительной функции власти); при $IP = 3$ - монополизация функций власти политическим субъектом. При этом объектом оценки политического монополизма выступает именно концентрация функций власти, а не функций управления.

Для оценки уровня политического монополизма в Алтайском крае был использован индикатор "индекс концентрации функций власти". В качестве объектов анализа были выбраны органы институтов власти и управления, осуществляющие свою деятельность на территории Алтайского края. Репрезентативная выборка была

сформирована на основе включения структур власти и управления, в компетенцию которых входят нормоустанавливающие, нормоинтерпретирующие и нормоисполняющие функции на федеральном, региональном и местном уровнях. Всего было выбрано 103 структуры⁸, из которых 46 составили территориальные структуры федеральных органов власти, 31 - органы власти Алтайского края и 26 - структуры местного самоуправления г. Барнаула (2009).

Индекс “концентрации функций власти” (IP) по подавляющему большинству структур (57%) составил 3 (соответственно: 2 - 16%, 1 - 27%), что характеризует институты власти Алтайского края и г. Барнаула как сильно монополизированные. Более низкий уровень политической монополизации наблюдается в территориальных структурах федеральных органов власти и управления, в которых данные функции более четко разделены и специфицированы в соответствии с федеральным законодательством.

Инсайдерский монополизм реализуется в институтах самоуправления, определяющих локальные отношения власти и имеющих ограниченную компетенцию на уровне конкретной местности и конкретных социальных групп. При этом предполагается, что во многих муниципалитетах и других структурах самоуправления организованные группы специальных интересов узурпируют право принятия институциональных решений.

На уровне локальных юрисдикций и организаций существуют благоприятные условия для реализации эффекта ускоренного образования инсайдерских групп. Данное обстоятельство обусловлено тем, что при неисключаемости из потребления свойство неконкурентности в потреблении коллективных благ институционального типа выполняется только до определенного момента, после чего проявляется тенденция к росту их относительной ограниченности. Всевозрастающая дефицитность полезности от коллективных благ институционального типа способна генерировать образование различного рода инсайдерских групп лоббистской направленности, доминирующих в социально-экономической системе на основе рентоискательства в виде поиска различных привилегий и льгот: процедурная рента, бюрократическая рента, конвертационная рента, лоббистская рента монопольного и дискриминационного рода. Являясь субъектами юрисдикции и (или) организации, такие группы имеют реальные стимулы к перераспределению и защите ренты, формируя коррупционный и бю-

рократический потенциал негативных институциональных трансформаций.

Объектом инсайдерской монополизации в институтах самоуправления выступает процесс принятия управленческих решений. Инсайдерский монополизм проявляется в концентрации функции принятия институциональных решений в пределах компетенции одного субъекта - органа, группы или статусной позиции. В качестве индикатора инсайдерского монополизма предлагается коэффициент “участие в принятии институциональных решений” в рамках того или иного института самоуправления:

$$CM = \frac{I}{n} \cdot 100, \quad (2)$$

где CM - коэффициент участия в принятии институциональных решений, %;

I - число субъектов, имеющих реальные полномочия в принятии институциональных решений на определенной территории-юрисдикции и (или) в группе института самоуправления (инсайдеры);

n - общее количество субъектов конкретной территории-юрисдикции и (или) группы института самоуправления, имеющих формальные полномочия в принятии институциональных решений.

Для оценки уровня инсайдерского монополизма предложена следующая шкала: при $CM = 100\%$ имеет место полная конкуренция в процессе принятия институциональных решений на определенной территории-юрисдикции и (или) группе; при $CM =$ от 50 до 100% имеет место доминирование квалифицированного большинства; при $CM = 50\%$ и до 1 субъекта имеет место доминирование инсайдерских групп и субъектов.

Оценка степени инсайдерского монополизма в Алтайском крае основывается на использовании индикатора “коэффициент участия в принятии институциональных решений”. В качестве объектов анализа были выбраны 26 структур⁹ институтов самоуправления муниципального образования г. Барнаула (2009).

Коэффициент “участие в принятии институциональных решений” в конкретных сферах для всех обследованных структур составил $CM =$ менее 1%, что характеризует органы институтов местного самоуправления как полностью монополизированные. Население данных муниципальных территорий, за исключением выборного процесса и редких референдумов, фактически лишено возможности и права участвовать в выработке и принятии институциональных решений местного значения. Реальное функционирование институтов местного самоуправ-

⁸ См.: Сайт органов власти Алтайского края URL: <http://www.altairegion.ru>; Сайт города Барнаула. URL: <http://www.barnaul.org>.

⁹ Сайт города Барнаула. URL: <http://www.barnaul.org>.

ления соответствует государственной теории самоуправления, разработанной Л. Штейном и Р. Гнейстом¹⁰, которая, приобретя свойства нормативной конструкции, стала воздействовать на практическое формирование институтов местного самоуправления. Соответственно, при таких условиях адекватно оценивать проблему монополизма в институтах самоуправления возможно на основе использования показателя “индекс концентрации функций власти”. То есть институты самоуправления в данной ситуации выступают разновидностью институтов власти, имеющих меньший, локальный формат.

Административный монополизм реализуется в институтах транзакционной инфраструктуры, регулирующих отношения доступа претендентов к “институциональным клубам”. Развивается административный монополизм в различного рода бюро по регистрации, лицензированию, сертификации и т.д. Как правило, клиенты данных организаций юридически и экономически привязаны к своему территориальному органу и не имеют возможности обратиться к другому поставщику аналогичных услуг. Монопольная экспозиция в сочетании с правом интерпретации норм и неэффективным стимулированием труда работников данных служб закономерно вызывает их бюрократизацию и коррупцию.

Организации институтов транзакционной инфраструктуры производят специфические институциональные “правила игры” в виде административных решений. Данные институциональные блага обладают комплексом свойств, характеристика которых раскрывает возможности их потенциального использования в качестве средств создания негативных административных барьеров. На этой основе извлекается институциональная рента в ее административной форме и конкретных видах проявления в зависимости от применяемых способов изъятия: процедурная рента, бюрократическая рента, конвертационная рента, коррупционная рента монопольного и дискриминационного рода.

В институтах транзакционной инфраструктуры объектом административной монополизации выступает право выдачи разрешения или допуска к институциональному клубу в пределах конкретной территории-юрисдикции и (или) группы. Административный монополизм проявляется в концентрации функций спецификации и рациионирования административных транзакций в пределах конкретной территории-юрисдикции или организации. В качестве индикатора административного монополизма разработан и

предложен коэффициент “локализации административных транзакций”:

$$CL = \frac{1}{n} \cdot 100, \quad (3)$$

где CL - коэффициент локализации административных транзакций, %;

n - общее количество субъектов-операторов, имеющих право специфицировать и рациионировать административные транзакции в сфере конкретного института транзакционной инфраструктуры.

Для оценки уровня административного монополизма предложим следующую шкалу: при $CL =$ от менее 1 до 1% имеет место конкурентный рынок административных транзакций; при $CL =$ от 1 до 5% имеет место слабое доминирование на рынке административных транзакций; при $CL =$ от 5 до 50% имеет место сильное доминирование на рынке административных транзакций; при $CL = 100%$ имеет место полная монополизация рынка административных транзакций.

Оценка уровня административного монополизма в Алтайском крае проводилась на основе использования показателя “коэффициент локализации административных транзакций”. В качестве объектов анализа были выбраны структуры институтов транзакционной инфраструктуры¹¹: органы федерального (29), регионального (27) и местного (19) уровней (на примере г. Барнаула), а также коммерческие и некоммерческие организации - нотариусы, аудиторы, оценщики, страховые компании и образовательные учреждения (2009).

Коэффициент “локализация административных транзакций” для подавляющего числа субъектов (94%) составил $CL = 100%$, что свидетельствует о высокой степени административной монополизации. Исключение составили некоторые бизнес-структуры и некоммерческие организации, осуществляющие спецификацию и рациионирование административных транзакций ($CL = 1$ и менее 1%).

Статусный монополизм утверждается в процессе функционирования структур институтов избирательства, упорядочивающих отношения выбора - назначения на те или иные статусно-ролевые позиции в виде государственных, муниципальных и организационных должностей.

Дуальность интересов в структурах институтов избирательства проявляется в реализации институциональных “правил игры” статусного типа. Непосредственными, сущностными пользователями институциональных статусов выступа-

¹⁰ Муниципальное право. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю.А. Дмитриева. М., 2005. С. 1112-1122.

¹¹ См.: Сайт органов власти Алтайского края; Сайт города Барнаула.

ют субъекты, претендующие на те или иные должности. В то время как их формальными потребителями являются все члены (избиратели) общества или его отдельной юрисдикции, имеющие проблему асимметричности информации во взаимодействии со своими агентами-исполнителями и подверженные воздействию эффекта “рационального неведения”. Статусные монополисты, максимизируя свою полезность от получаемого бюджета, будут стремиться сформировать как можно больше контролируемых должностей.

Институциональная рента, извлекаемая в институтах избирательства, имеет форму статусной ренты, так как источником ее возникновения выступают процессы избрания, назначения и контрактации на статусные должности в институциональной системе общества: процедурная рента, лоббистская рента монопольного и дискриминационного рода.

Объектом статусного монополизма в институтах избирательства выступает статусная(ые) позиция(и) посредством концентрации у определенных субъектов - конкретных личностей и групп. Наиболее известным индикатором электоральной конкуренции является показатель “эффективное число партий” (N) или “кандидатов” (E), предложенный М. Лааксо и Р. Таагеперой¹² и рассчитываемый по формуле

$$N(E) = \frac{1}{\sum_{i=1}^n (v_i / 100)^2}, \quad (4)$$

где v_i - доля голосов, полученных каждой i -й партией или кандидатом на выборах, %;

N - гипотетическое число партий равного размера, при котором воздействие на фрагментацию системы было бы таким же, что и при реально существующих разнокалиберных партиях. $N = 1$, если присутствует только одна значимая партия, и стремится к бесконечности, если их бесконечно много.

В литературе можно встретить множество других, более узких и специальных показателей электоральной конкуренции, обладающих как преимуществами, так и недостатками. Например: индекс Молиара (NP), показатель бимодальности (SF) Дж. Кокса, треугольник Нагаямы и версия Б. Грофмана.

В условиях представительной демократии для оценки статусного монополизма может быть использован индикатор, получивший в научной литературе название “амплитуда искажений”: определяется как сумма всех отличий долей полученных партиями голосов от долей мест, полученных этими партиями в парламенте. В ди-

агностировании данной проблемы также часто используются такие показатели, как “уровень монополизма правящей партии в парламенте”, “реальность политической конкуренции” и “доля голосов в парламенте, полученная оппозицией”.

В целях оценки уровня статусного монополизма в Алтайском крае были применены следующие показатели: “эффективное число партий” и “амплитуда искажения” на выборах депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания. Объектами анализа в процессе оценки статусного монополизма выступили статусные позиции в институтах избирательства. Расчет показателей статусного монополизма проведен на основе информации¹³ о выборах депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания - АКЗС (2 марта 2008 г.).

Отметим, что со вступлением в силу ст. 18, п. 1 ФЗ РФ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”, касающейся назначения глав администраций субъектов РФ, народ лишился права непосредственно их избирать, что безусловно ведет к относительной статусной монополизации данных должностей.

Эффективное число партий на выборах 2 марта 2008 г. депутатов в АКЗС составило 2,8 электоральной и 2,76 парламентской групп. Такой результат позволяет говорить о наличии нескольких влиятельных групп претендентов на статусные позиции в регионе. По состоянию на 7 марта 2008 г. в Алтайское краевое Законодательное Собрание было избрано 68 депутатов, из которых по партийным спискам представлено 34. Для сравнения: на выборах в Алтайский краевой Совет народных депутатов (АКСНД) 14 марта 2004 г. эффективное число партий составило 5,1 электоральной и 3,5 парламентской групп.

Амплитуда искажения по всем партиям составила всего 3,77%. Следует учитывать, что в связи с отсутствием графы “против всех” избиратели, желающие подать свои голоса против всех краевых списков кандидатов, оказались лишены этого права (для примера, это около 9,58% голосов избирателей на выборах в АКСНД 14 марта 2004 г.). На этой основе сделан вывод, что в Алтайском крае, как и в целом по России, наблюдается сужение пространства конкуренции за статусные позиции. Данный процесс сопровождается выстраиванием жесткой вертикали власти и укреплением административного ресурса “партии власти”.

Поступила в редакцию 06.11.2009 г.

¹² Laakso M., Taagepera R. The Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12. №1.

¹³ Сайт органов власти Алтайского края.